

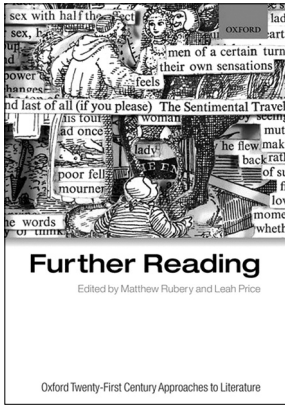
Анна Швец

Опыт чтения:

ОТ ТЕКСТА К СРЕДЕ

Further Reading / Ed. by M. Rubery, L. Price.

Oxford: Oxford University Press, 2020. — XVI, 402 p. —
(Oxford Twenty-First Century Approaches to Literature).

Сегодня исследователи различают множество стилей и видов чтения: формалистское «пристальное чтение» и «дальнее чтение» цифровых гуманитарных наук¹; «глубокое» чтение² и чтение «по поверхности»³; аналитическое, критическое — и увлеченное, дилетантское⁴; чтение «фанатское», соучастное⁵; электронное чтение⁶ и т.д. Это многообразие позволяет уточнить и расширить наше представление об объекте чтения, литературе: это как отдельные, особенно значимые тексты, так и обработанные алгоритмами массивы «великого непрочитанного» (Ф. Моретти); как содержание литературного канона, так и массовая беллетристика и фанфики; как авангардистские эксперименты с форматом книги, так и электронная литература.

Именно разнообразные стили, виды и соответствующие им практики чтения рассматриваются в сборнике «Дальнейшее чтение» под редакцией М. Рубери и Л. Прайса. Книгу составили три десятка статей исследователей из Англии, США, Канады, Африки, Чехии и Дании, так или иначе касающиеся нескольких общих вопросов, которые можно сформулировать следующим образом: как определить и описать опыт чтения? При помощи каких инструментов мы можем изучать чтение? Какое новое знание о литературе мы получим, если будем изучать чтение как опыт?

Статьи сгруппированы в тематические блоки. В первом рассматриваются различные исторические, социальные и технологические «сцены» чтения (Древний Рим, викторианская таможня 1850-х гг., учебный класс, МРТ-сканер); во втором —

- 1 См.: Моретти Ф. Дальнее чтение / Пер. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. М., 2016. См. также обсуждение этой книги в: Новое литературное обозрение. 2018. № 150. С. 14—98.
- 2 «Глубокое чтение» — «активный процесс вдумчивого и тщательного чтения, осуществляемый, чтобы усилить понимание текста и наслаждение им» (*Nordquist R. A Guide to Deep Reading* [2019] // www.thoughtco.com/what-is-deep-reading-1690373).
- 3 См.: Best S., Marcus Sh. *Surface Reading: An Introduction* // *Representations*. 2009. Vol. 108. № 1. P. 1—21.
- 4 См.: Radway J. *Reading the Romance: Women, Patriarchy, and Popular Literature*. Chapel Hill, 1984; *Idem*. *A Feeling for Books: The Book-of-the-Month Club, Literary Taste, and Middle-Class Desire*. Chapel Hill, 1997; Felski R. *Uses of Literature*. Oxford, 2008.
- 5 См.: Jenkins H. *Fans, Bloggers, and Gamers: Exploring Participatory Culture*. N.Y., 2006; *Idem*. *Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture*. L.; N.Y., 2013.
- 6 См.: Rettberg S. *Electronic Literature*. Cambridge; Medford, 2019; O'Sullivan J. *Towards a Digital Poetics: Electronic Literature and Literary Games*. Cham, Switzerland, 2019 (рец.: Новое литературное обозрение. 2021. № 167. С. 300—304).

«стили» чтения («дальнее», школьное, повторное и др.); в третьем — модальности восприятия, задействованные при чтении; в четвертом — некоторые аспекты чтения как психофизиологической и когнитивной деятельности. Наконец, в пятом блоке обсуждается судьба чтения в современном мире, а именно такие проблемы, как перенос практик чтения в мир цифровых медиа и интерфейсов, отказ от чтения и др. Широкий диапазон применяемых в книге подходов: нейрофизиологическое изучение чтения, когнитивистика, феноменология, социология рецепции, изучение читательской аудитории, новый историзм, история книги, медиалогический подход и др. — все они «сотрудничают» под условным зонтичным термином «изучение чтения». Таким образом, чтение рассматривается и как психофизиологический, и как феноменологический, и как социальный опыт.

По словам Прайс и Рубери, «в литературоведении чтение — самая обсуждаемая процедура, по поводу которой существует больше всего разногласий» (с. 1), причем любой попытке определить чтение можно противопоставить «столь же очевидный контраргумент» (с. 3). Цель сборника не исчерпывающая таксономия типов чтения и не выработка универсального определения, а уточнение представлений о чтении. При этом авторы исходят из двух очевидных тезисов. Первый: опыт чтения индивидуален, субъективен и предполагает взаимодействие читателя и текста. Второй: чтение как опыт не может быть рассмотрено вне контекста. Поэтому практики чтения и их объект, литература, рассматриваются внутри ансамблей акторов, предметов, технологических приспособлений и отношений.

Каждый читает — и получает удовольствие от текста — по-разному. Читать — значит размечать текст: выделять одни элементы и игнорировать другие, реагировать в те или иные моменты, окрашивая фрагмент текста своими переживаниями. Эти маршруты чтения индивидуальны, прихотливы, изобретательны, по-браконьерски (пользуясь метафорой М. де Серто⁷) вариативны. Вместе с ними будет варьироваться и переживаемый читателем опыт удовольствия — это подтверждают эмпирические эксперименты когнитивистов. Так, Г. Старр и Э. Белфи исследуют «чтение» картины и фотографии с одним и тем же пейзажем, измеряя уровни удовольствия. (В данном случае речь идет о «чтении» в широком смысле слова, но в целом сборник посвящен чтению текста, прежде всего художественного.) Для этого они анализируют «сходимость предпочтений» (convergent preferences) респондентов. Как выяснилось, рассмотрение фотоснимка приводит к «высокому уровню согласия» относительно доставляемого им удовольствия (согласны 67% опрошенных), а рассмотрение картины — к более низкому (14%). Другими словами, в случае с фотографией реципиенты получают скорее похожий опыт, а в случае с картиной — скорее разный. Низкая «сходимость предпочтений» исследуется затем на примере прочтения стихотворения группой студентов. Ученые протестировали на практике неокритицистское учение о целостности композиции и проверили гипотезу, согласно которой заключительные строки стихотворения имеют повышенное значение для понимания смысла стихотворения как целого. Выяснилось, что реальные респонденты не всегда придают значение «сильному месту» в конце стихотворения; иногда они, напротив, вычленяют последовательности элементов в начале и середине, не дочитывая до конца, и эти элементы определяют понимание текста как целого.

Похожий эксперимент описывают нейрофизиологи Н. Филипс, С. Антонуччи, М. Крамер, К. Межёр и К. Смит в статье «Нейровоображаемое» («Neuroimaged»): в то время как испытуемые читали фрагмент романа Дж. Остин «Мэнсфилд-парк»,

7 См.: Серто М. де. Изобретение повседневности: искусство делать / Пер. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб., 2013. С. 280—297.

их мозговая активность замерялась при помощи МРТ-сканера. Результатом эксперимента стало неожиданно большое разнообразие проявлений мозговой деятельности: «Участки [мозга], которые задействуются при пристальном чтении, значительно варьируются от индивида к индивиду» (с. 78).

Как резюмирует в своей статье *П. Армстронг*, такие эксперименты соответствуют общим принципам описания чтения с позиций нейронауки. Именно основанные на эксперименте исследования нейрофизиологов, охватывающие целые массивы текстов и данных, позволяют «с осторожностью оценивать универалистские обобщения на фоне противоречивой... пластичности когнитивного аппарата... Формалистская задача вычленения упорядоченных универсальных структур языка и сознания не очень хорошо совпадает с тем, что происходит в сознании, и с тем, как когнитивные структуры возникают из телесно проживаемого опыта (*embodied experience*)» (с. 238). Эта установка, по Армстронгу, смещает фокус внимания с ориентированных на таксономию, универалистских языков описания литературы (как, например, в нарратологии) на изучение когнитивных актов чтения как сложных и уникальных интерактивных феноменов. На первый план выходит описание задействованных участков мозга и телесно переживаемых стимулов, то есть объективных фактов (*hard facts*). Подобная перестановка акцентов помогает понять, какие феномены существуют (и могут быть изучены) как часть литературы, а какие являются спекуляцией. В частности, авторы-когнитивисты обращают внимание на интерсубъективные феномены, которые существуют в поле взаимодействия читателя с текстом и определяются суммой знаний о мире, накопленным опытом, знакомством с различными сценариями поведения и т.д. К числу этих феноменов относятся ментальная репрезентация (*А. Элфенбайн*) и достраивание мыслей персонажей (*mind-reading*) (*Л. Зуншайн*).

Когнитивисты и нейробиологи убедительно доказали, что чтение как психофизиологическая деятельность представляет собой опыт, не всегда поддающийся обобщению. Опыт чтения насыщен различиями, источниками которых являются как идиосинкратическая деятельность мозга, так и окружающий реципиента контекст. «Тексты не изолированы и не автономны, — пишет в своей статье *И. Дракер*. — Они сопряжены с окружающим контекстом (*contingent*) и перемешаны с ним (*entangled*)» (с. 169). «Мы считываем материальное воплощение, расположение и эффект знака, прежде чем прочитываем смысл слова» (с. 167). Так, слово «STOP» на дорожном знаке мы читаем «внутри какого-то ландшафта, окружения, специфические качества которого... также включены в... чтение» (с. 169—170). Если это знак ярко-красного цвета, с крупными буквами (материальное воплощение), расположенный у дороги (местоположение), он воспринимается как настоятельное требование прекратить движение (эффект). Но восприятие будет иным, если то же самое слово написано карандашом на бумаге и приколото к дереву. Возможно, читатель даже поймет это слово иначе: не «Стой!», а «Перестаньте!» (обрывать листья).

Так же и чтение литературного текста можно понимать как чтение знаков, существующих и производящих эффект в ландшафте. Мы считываем материальные характеристики, расположение текста — именно они производят эффект. Опыт чтения следует трактовать в категориях прагматики, а не семантики. Это утверждение подхватывает *Р. Фелски*, ставя следующие вопросы: «Что текст делает? Какие процессы запускает? Что связывает текст с читателями? Как он воздействует на читателя?» (с. 136). Таким образом, опыт чтения — воздействие текста — формируют элементы паратекста (шрифт, размер букв, композиция страницы, носитель — бумажная страница или экран) и инфраструктуры литературного поля (возможность доступа к тексту, популярность текста среди читателей, маркеры культурного статуса, цепочки циркуляции текста).

Особое внимание авторы сборника уделяют материальному воплощению текста и его восприятию при чтении. Опыт чтения можно рассматривать как постоянное соприкосновение с физическим объектом, книгой, — об этом пишет *Дж. Сильверман* в статье «Касание». Книга может быть шершавой на ощупь, хранящей «отметки резкие ногтей», следы пальцев или пятна от кофе, с замусоленными и загнутыми уголками страниц и т.д. Более того, книга может создаваться «для прикосновения». Примерами служат «книга художника» и авангардные эксперименты вроде реди-мейда «Пожалуйста, потрогайте» («*Prière de toucher*», 1947) М. Дюшана. Последний представляет собой книгу-скульптуру, на обложке которой помещен выпуклый муляж женской груди из резины в обрамлении мягкого бархата. Сминая резиновое изделие, проводя пальцем по бархату, читатель может испытывать тактильно-эротическое удовольствие от чтения, то есть получить доступ к эстетическому переживанию в обход слов на бумаге. Это неожиданное ощущение физической, чувственно проживаемой близости с произведением искусства — вопреки бытующему в культуре музейному императиву: «Не трогать!». Описанный арт-объект может показаться особым случаем, исключением из правила, едва ли говорящим что-либо о чтении вообще. Однако Сильверман не считает это чем-то маргинальным. Книги-объекты тоже литература, и такое расширение границ литературы позволяет нам расширить понятие чтения.

Ощущение фактуры, материала, «вещности» книги теоретизируется как «чтение по поверхности» — менее опосредованное, предпочитающее аналитической дистанции ощутимость взаимодействия с книгой. Чтение «по поверхности» — это чтение «в интерфейсе», будь то печатная книга или экран планшета; этой теме посвящена статья *Л. Эмерсон*. Интерфейс — «пористая поверхность» (с. 354): с одной стороны, проницаемая, открывающая доступ «к информации, знанию, творческому выражению» (с. 359), с другой — мешающая этому доступу. Так, экран планшета почти невидимый и неосязаемый интерфейс. Когда же планшет разряжен, или солнце светит слишком ярко, или приложение работает некорректно, мы лишаемся возможности читать текст или делать в книге пометки и чувствуем сопротивление «слоев» интерфейса, которых прежде не замечали.

Чувствительность к ограничениям интерфейсов и их творческое использование и отличают, по мысли Эмерсон, писателей. Так, представители «конкретной поэзии» плотно работают «с аффордансами⁸ пишущей машинки», иногда используя их «не по прямому назначению». В итоге стихи делают видимыми «материальные механизмы пишущей машинки — инструмента для превращения страницы в однородную сетку знаков» (с. 357). Опыт чтения таких произведений разрушает у читателя иллюзию «прозрачности» интерфейса, зато проявляет множество материальных «слоев», оформляющих смысл текста.

Контакт с «материальными слоями» интерфейса рассматривается и на примере электронной литературы, то есть с литературы, созданной на компьютере и для компьютера, в статье *Дж. Прессман*. Материальная оболочка текста включает в себя множество уровней, которые к тому же включены в «партиципативную сеть медиа и акторов, в которой человек не является центром» (с. 336). Выразительный пример — произведение электронной литературы «Скованный льдом словарь перекрестных ссылок» («*The Ice-Bound Concordance*», 2016) и парный ему печат-

8 Аффорданс — потенциальное использование предмета: аффорданс двери — открываться внутрь, но не наружу; аффорданс бумажной книги — представлять текст на страницах, которые можно листать, но по которым нельзя осуществлять автоматизированный поиск слов. См.: *Levine C. Forms: Whole, Hierarchy, Network. Princeton, 2015. P. 6.*

ный роман «Скованный льдом компендиум» («The Ice-Bound Compendium», 2016) А. Рида и Дж. Гарбе (www.ice-bound.com).

«Скованный льдом словарь перекрестных ссылок» — это игра для мобильного устройства, в которой переплетены две сюжетные линии: повествование о гибели арктической станции «Карина» и история написания романа об этой станции. Задача читателя-игрока — обследовать руины станции и выяснить причины катастрофы, а затем дописать начатый персонажем игры К. Хелмквистом научно-фантастический роман о «Карине». Чтобы опыт игры был полноценным, читатель должен использовать «Скованный льдом компендиум» — печатное издание, в котором воспроизведены черновики Хелмквиста (наброски от руки и вордовские файлы с поправками и комментариями), фотографии, вырезки из журналов, а также QR-коды. Сканируя последние, читатель получает дополнительные инструкции и указания, которые помогают связать материалы из книги с происходящим на экране. Он постоянно переключается между множеством уровней: рукописным текстом, изображением, текстом на экране, аудиовизуальными материалами, сшивая эти разные медийные артефакты в единое целое по мере того, как переходит по гиперссылкам и сканирует QR-коды. Более того, читатель — один из «узлов» в сети чтения (по Б. Латуру), которое распределено между ним, компьютером, телефоном, книгой и другими акторами (проводами, серверами и т.д.).

По-видимому, субъект не является центральным звеном в «плоской онтологии» электронного чтения. С точки зрения Прессман, именно это демонстрирует инсталляция Х. Абурто «Живая клякса» («Blot Alive», 2016), состоящая из горки магнитных опилок, страницы со стихотворением, а также магнитов под и над нею («электронный» компонент). Под влиянием движущихся магнитов горка опилок перемещается, словно курсор, по строкам стихотворения, показывая, что производству цифровой литературы не нужен живой читатель, но нужна констелляция из акторов и объектов.

Партиципативная сеть акторов позволяет перекинуть мостик от материальных параметров текста к инфраструктурному измерению. Историки книги и социологи чтения (Р. Шартье, Р. Дарнтон, П. Бурдьё) показали, что цепочки циркуляции и распространения текстов, институты и аудитория изменчивы. В обсуждаемом сборнике это демонстрируется на конкретных примерах: чтение требников и Библии в средневековой Англии (*Э. Трэханхе*); чтение в Древнем Риме (*Дж.А. Хаули*); чтение в Нигерии, на периферии развитых стран (*У. Грисворлд*); чтение в общественном месте (*С. Коннор*); чтение в учебном классе (*К. Кэннон*); и, наконец, чтение в викторианской таможне XIX в., где чиновники досматривали книги, отбраковывали пиратские издания и облагали налогом издания, привозимые из-за рубежа (*И. Хофмейр*).

Именно о незримом и формирующем характере инфраструктуры чтения говорит известный эпизод: Блаженный Августин с удивлением наблюдает, как его учитель Амвросий читает про себя. Как отмечает Хаули, дело было вовсе не в том, что жители Римской империи не умели читать про себя (это миф), а в том, что немое чтение практиковалось в иных социальных контекстах. Римляне читали вслух чаще, чем мы сегодня; им читали обученные рабы; чтение вслух часто практиковалось в компании. Немое чтение было допустимо дома, наедине с собой, при изучении древних источников — для того, чтобы позже произвести впечатление на собеседников. Хаули сравнивает читающего про себя Амвросия с человеком, явившимся на вечеринку в наушниках, вместо того чтобы прийти с портативной колонкой и поделиться музыкой с другими (с. 17).

В современном мире роль инфраструктуры сводится не только к тому, чтобы быть посредником в передаче смысла текста, — об этом пишет *Л. Гительман* в за-

вершающей сборник статье «Не-чтение». Перенасыщенность информационного пространства текстами, относящимися к разным медиа, ведет к отказу от чтения: читатель превращается из интерпретатора в администратора, занятого разнообразными операциями: переходящим по гиперссылкам, сканирующим текст «по диагонали», прыгающим по заголовкам и нажимающим на кнопку «Согласен с правилами лицензионного соглашения», не прочитав этого соглашения. Чтение текста уступает место «чтению» инфраструктуры вокруг него.

Итак, чтение вариативно и субъективно не только в силу различных психофизиологических реакций читателей, но и в силу различных обстоятельств чтения. В рассмотренном сборнике опыт чтения рассматривается как часть ассамбляжа (органы и протоколы восприятия, акторы, структуры знания, сценарии поведения, институциональные механизмы). Чтение — ситуативная констелляция агентов, процедур и объектов. Внетекстуальные и внелитературные явления уже не осознаются как вторичные по отношению к произведению или как простое обрамление текста. Напротив, они переосмысляются как его составная часть. То же касается и литературы: фокус перемещается с текста на среду как на неотъемлемую составляющую литературного объекта.